

УДК 316: 303.62: 165.4
DOI 10.52452/18115942_2021_2_103

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ О РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

© 2021 г.

М.В. Кильдеев

Кильдеев Мансур Вилевич, к.соц.н.;
директор Ассоциации «Союз исследователей современного общества», Казань
makhmud_e@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 15.12.2020
Статья принята к публикации 30.04.2021*

Настоящая работа – часть проекта исторической реконструкции региональной социологии религии. Важной частью этой реконструкции является понимание достоинств и недостатков применяемых методик и методологии. В качестве источников статьи использованы социологическая литература и архивные социологические документы.

Практика социологического изучения религиозности особенно показательна, поскольку она затрагивала глубокие противоречия советского общества, и, следует констатировать, советские социологи оказались не готовы к ее решению. Показано, каким образом социологи получали репрезентативные, методически аккуратные, но недостоверные обобщенные сведения, из которых систематически складывалась искаженная картина религиозной жизни страны. Рассмотрены факторы, которые приводили к искажениям: «фактор интервьюера», абсентеизм и неискренность респондентов. Эти проблемы советскими авторами диагностировались, но в качестве фактора искажения или контаминации данных никогда не рассматривались.

Ключевые слова: религиозность, достоверность социологической информации, неискренность респондентов, фактор интервьюера, абсентеизм.

Постановка научной проблемы

Советской социологией религии были накоплены огромные массивы данных, полученные на различных объектах, однако методы оценки качества (надежности, достоверности) этих данных отставали. Вопрос, насколько можно доверять полученным данным, до сих пор остается открытым. С одной стороны, нет оснований ставить под сомнение методологическую подготовленность исследователей. Социологи успешно решали вопросы выборочного метода, репрезентативности, создания инструментария, подготовки первичных данных к обработке на ЭВМ и т.д. С другой стороны, имеются сомнения относительно достоверности получаемых результатов.

Проблему достоверности и надежности данных мы рассматриваем на таком интересном социологическом явлении, как резкий рост доли верующих в населении в последний период существования СССР, который продолжался некоторое время и после его распада.

Методология

В качестве методологической основы нашего исследования выбраны классические труды по методологии конкретно-социологических исследований, изданные в советские времена

[1–6]. Заданные их авторами подходы и методологические стандарты могут считаться образцами для эмпирической социологии рассматриваемого периода и использованы для сравнения, с точки зрения отклонения от эталона. Особое значение имеет работа В. Паниотто, в которой выстраивается система понятий, которыми описывается качество социологической информации: надежность, достоверность, валидность, обоснованность [3].

Результаты исследования

В середине 1960-х гг. самые первые, а затем и все последующие социологические опросы в республиках и областях Среднего Поволжья показывали ничтожно малый процент верующих среди молодежи, высокообразованных людей и квалифицированных специалистов. Согласно итогам исследования в Казани (1966), 80% верующих – это лица с начальным образованием или малограмотные. В возрастной группе 18–23-летних в абсолютном выражении нашлось всего 5 верующих на 428 неверующих. Среди 24–29-летних – 25 верующих на 802 неверующих, среди 30–35-летних – 25 на 629, и т.д. [7, л. 263–264].

Социологами подчеркивался низкий социально-профессиональный статус верующих [7, л. 265], поскольку утвердительный ответ давали

в основном пенсионеры, домохозяйки и неквалифицированные работники. Пользуясь такими цифрами, авторы с легкостью устанавливали причинно-следственную связь между религиозностью с одной стороны и возрастом и уровнем образования респондентов – с другой. Создаваемая ими картина представляла религию как удел невежественных стариков. Опираясь на эти данные, делали далеко идущие выводы об «отмирании» религии в социалистическом обществе [8, л. 212].

Социологический портрет полностью свободных от религиозного влияния «строителей коммунизма» начинает быстро меняться после 1985 г. По данным опроса, проведенного Институтом научного атеизма среди татарской части населения Казани (1987), среди татарской молодежи верующих оказалось около 15%. 12% опрошенных инженеров и служащих-татар оказались верующими, хотя всего двумя десятилетиями ранее в подвыборке верующих татар не нашлось ни одного лица с образованием выше среднеспециального [9, л. 7].

Еще одно исследование в Казани было проведено в 1989 г. горкомом КПСС среди трудящихся города (независимо от национальности). В возрастной категории 18–25 лет верующих уже 14.3%, среди 25–35-летних – 8.6%. В двух старших категориях, некоторые из которых теоретически могли быть опрошены 23 года назад, среди 35–45-летних оказалось 17% верующих, а среди тех, кто старше 45 лет, – 26.2% [10, л. 47].

Еще более впечатляющими оказались некоторые результаты исследования татарского населения отдаленного Октябрьского района ТАССР. Это исследование было проведено в апреле 1988 г. московскими учеными из Института научного атеизма. Параллельно был проведен экспертный опрос коммунистов из числа партийно-хозяйственного и идеологического актива района. 12.2% опрошенных жителей сообщали, что посещают мечеть, 43.5% – что верят в Аллаха. Совершенно невероятным показался бы еще недавно тот факт, что среди коммунистов процент верующих составил 19.5%, среди комсомольцев – 29.5% [11, л. 58].

Попробуем установить, связаны ли статистические факты, зафиксированные в 1987–1989 гг., с определенным социальным сдвигом, с неточностью измерений, нерепрезентативностью выборочной совокупности или с намеренным искажением результатов.

Закономерно возникает подозрение, что социологические данные в брежневские времена «подгонялись» под запросы заказчика, то есть сами социологи преуменьшали величину верующих в некоторых категориях. Такую точку

зрения высказывал чебоксарский исследователь Л.Ю. Браславский. По его мнению, результаты конкретно-социологических исследований выполняли идеологический заказ: подтвердить, что в условиях социалистического общества более высокая религиозность у населения, обособленного от производства и наиболее сохранившего национальные традиции, замешанные на религии [12, с. 83]. Другой автор, В. Вигилянский, обвиняет социологов в выполнении идеологического заказа и в намеренном занижении цифр [13, с. 156].

Зарубежные критики советской социологии религии, а конкретно У. Флетчер, замечая многочисленные методические изъяны эмпирических исследований и предвзятую интерпретацию данных, в целом не ставят под сомнение добросовестность исследователей [14]. Не подвергается ими сомнению и обоснованность методик (отечественные социологи изначально придерживались в целом правильной трактовки религиозности в ее связи с верой в бога). Дж. Панкхерст с некоторой долей осторожности допускает, что данным советских исследований следует доверять, поскольку они в конечном итоге были предназначены для того, чтобы лечь в основу управления и планирования в сфере конфессиональной политики, и поэтому должны быть по крайней мере точными (*accurate*) [15, р. 292]. Таким образом, у западных критиков не было причин подозревать советских социологов в фабрикации или фальсификации данных.

Если рассматривать изменения религиозности в возрастных категориях как тенденцию, тогда следует прийти к выводу, что сразу после 1985 г. происходит грандиозный приток верующих из числа ранее неверующей молодежи. С этим тезисом тоже трудно согласиться. Антирелигиозная направленность системы образования и воспитания сохраняется вплоть до отмены в марте 1990 г. 6-й статьи Конституции СССР и прекращения действия партийных постановлений о «научно-атеистическом воспитании». А конфессии еще не обладали достаточными образовательными, миссионерскими, катехизаторскими возможностями для расширения круга своих последователей.

Следующее «подозрение» падает на «фактор интервьюера». Для прояснения ситуации будет нелишним обратить внимание на то, кого привлекали исследователи в качестве интервьюеров и анкетеров. Начиная с самых первых опросов интервьюерами и анкетерами выступал примерно тот же контингент исполнителей, что участвовал в массовых атеистических кампаниях. Как известно, первые исследования в 1960-х гг.

проводились согласно планам об усилении научно-атеистического воспитания. Местные партийные организации были обязаны содействовать работе социологов, в частности обеспечивать транспортом и предоставлять в их распоряжение исполнителей для проведения опросов. В 1965 г. в Мензелинском районе ТАССР, в разгар «хрущевской» антирелигиозной кампании, опросом занимались ее «подрядчики» – комсомольские активисты, члены агитколлективов, работники культпросветучреждений [16, л. 6]. Не изменилась ситуация и в последующем. В 1971 г. в Краснооктябрьском районе Горьковской области к опросу населения привлечены более 50 человек татарской национальности из числа местных учителей, культпросветработников, активистов, находящихся в контакте с населением [17, с. 63]. В 1987 г. в исследовании в Арском районе были заняты активисты, учителя, врачи, работники культпросветучреждений, студенты вузов и техникумов [18, л. 1]. Респондентов трудно обмануть, и, разумеется, респонденты в ситуации опроса не могли воспринимать своих собеседников «как просто анкетеров», чья задача – выслушать и зафиксировать ответ.

В дальнейшем сам подход не менялся, поскольку он был продиктован порочной практикой ангажированных, максимально идеологизированных исследований. Роль социологов в отборе и подготовке исполнителей была минимальной, поэтому они не имели возможности контролировать качество процедуры, а в особенности сохранение конфиденциальности исследовательской информации. Как высказался по этой теме религиовед и социолог из США У. Флетчер, «неподготовленный интервьюер – вечное проклятие социологического исследования» [14, р. 186]. Абсолютно ничего неизвестно о том, чтобы социологи, эмпирически изучавшие вопросы религии и атеизма, пользовались методиками выявления ошибок интервьюеров.

На наш взгляд, изъяны в работе с интервьюерами – одно из больных мест всей советской эмпирической социологии. В СССР повсеместно интервьюеры привлекались под отдельные проекты и, как правило, без оплаты труда. Ситуация начала меняться только в 1988 г., с образованием Всесоюзного центра по изучению общественного мнения (г. Москва), при котором создана сеть оплачиваемых интервьюеров [4, кн. 1, с. 134].

Подход к подготовке массового исследования в советской социологии религии сильно отличался от западной практики. Отечественные социологи основное внимание уделяли подготовке и шлифовке инструментария [5], в

то время как в тогдашней западной социологии больше внимания уделялось организационным процедурам, в особенности отбору и подготовке исполнителей. В Алленсбахском институте демографии (ФРГ) интервьюеры отбирались путем собеседования и тестирования. Путем тренировки отрабатываются ситуации отбора респондента и самого интервью. Основными целями инструктажей и тренировок являются стандартизация ситуации опроса и минимизация личностного влияния интервьюеров на респондентов [1].

Восточноевропейские (болгарские и чешские) авторы не менее скрупулезно, чем их западные коллеги, подходили к проблеме доверия к исследователям. Вот что пишут авторы – участники социологического изучения религиозности. Э. Кадлецова (ЧССР): «Нужно было действовать очень осмотрительно, на каждом шагу и в связи с каждым мероприятием исследования заранее давать людям ряд новых гарантий в том, что наше исследование действительно служит лишь той цели, о которой мы информируем. Таким образом, нашим принципом было подходить к гражданам с полным доверием, но не требовать доверия с их стороны. Все участники исследования обязаны были соблюдать абсолютную тайну» [19, с. 245]. С. Михайлов (НРБ), рассуждая о вопросах сохранения тайны информации, сравнивает принцип конфиденциальности при социологическом опросе с тайной банковских вкладов и с врачебной тайной [20, с. 230]. Еще он предостерегает изучающих социологию от смешения научных и политических целей: «Абсолютно недопустимо делать служебные, организационные и политические выводы об исследуемом лице на основании сведений, собранных при эмпирическом социологическом исследовании» [20, с. 231].

К сожалению, похожих цитат из советской литературы, которые свидетельствовали бы о трепетном отношении советских авторов к мнению и к личным данным респондентов, мы привести не можем. Прочие этические вопросы взаимодействия с респондентами (принципы добровольного, информированного участия) в работах советских авторов тоже не поднимались. Может сложиться мнение, что невнимание к методике работы с респондентами было присуще не только социологам, но и советской гуманитарной науке в целом. Однако это не так. Скажем, этнографы, работавшие над схожими проблемами и примерно с тем же контингентом населения, к вопросу достижения доверия у опрашиваемых подходили очень серьезно [21].

Следует упомянуть такой важный момент полевого исследования, как уклонение от опро-

са (*абсентеизм*). Как подчеркивали советские ученые, отказы от участия в социологическом интервью не были массовыми, что, казалось бы, свидетельствует о лояльном отношении респондентов, в том числе верующих, к участию в опросах. В то же время анонимное заочное анкетирование в качестве метода сбора данных было признано бесперспективным, поскольку верующие возвращали не более 8–10% от розданных им социологами анкет [6, с. 88].

Работы советских социологов религии в наибольшей степени отличаются от аналогичных текстов зарубежных авторов тотальным отсутствием какого-либо упоминания о методиках достижения контакта с респондентами. В результате мы не располагаем важной методической информацией о том, соблюдалась ли процедура случайного отбора, какой была доля уклонявшихся от опроса и по какой причине: из-за каких-либо опасений, из-за религиозных убеждений и т.д. Авторы [22, с. 141] пишут о том, что уклонение от опроса не носило массового характера и не оказывало влияния на репрезентативность итогов. Еще считалось, что в сельской местности недоверие верующих устраняется, когда опросу подвергаются все жители без исключения [23, с. 107].

При опросе в селе одного из районов Ингушетии попавшие в выборку жители вызывались для заполнения анкеты в сельсовет [5, с. 113]. Причем это подается как успешная методическая находка, а не как вопиющее нарушение исследовательской этики. У остальных авторов процесс достижения согласия респондентов на участие не описан, но, по всей видимости, за этим умолчанием чаще всего кроется пресловутый «административный ресурс».

Таким образом, участие в опросах, как правило, не было добровольным актом, поэтому, на наш взгляд, уклонение от опроса – наиболее естественная реакция верующих, которые имели основания опасаться за благополучие свое и своих близких, а возможно, еще и опасались «кары божьей» за вероотступничество. На эту мысль наводят рассекреченные донесения в ЦК ВКП(б) о панических слухах в верующей среде, сопровождавших перепись населения 1937 г., и о призывах уклониться от участия в ней [24].

С. Климова и Е. Молостова обращают внимание на эскапистские настроения людей при обсуждении религиозных вопросов, стремление защитить свой внутренний мир. Верующие, с которыми проводился опрос в виде интервью, как правило, избегали острых тем и охотно соглашались с теми вариантами, которые предлагал инструментарий [25, с. 122].

Такая ситуация интервью позволяла исследователям утверждать желаемую характеристи-

ку религиозности как «традиционную», неглубокую и без лишних усилий «научно» обосновывать пережиточность. Приводится пример, когда социологи вопросом о догмате христианской Троицы ставили в тупик обычных верующих и на основе их ответов, не совпадающих с официальной формулой, делали вывод об их «невежестве» в религиозных вопросах [25, с. 124].

Следствием процедурных отклонений не могла не стать скрытая деформация исследовательских данных. О масштабах предполагаемых искажений, вызванных недоверием к процедуре опроса, может дать представление методический эксперимент этносоциологов Академии наук СССР, проводивших свое исследование в Татарской АССР в 1967 г. Они попутно решили выяснить влияние национальности интервьюера на ответы респондентов. В качестве исполнителей в исследовании участвовали студенты московских и казанских вузов. Наибольшая вариация была выявлена именно для вопросов об отношении к религии, национальным обрядам и праздникам, а также о языке обучения в школе. Так, положительный ответ на вопрос о праздновании мусульманских религиозных праздников дали 34% респондентов-татар, когда их опрашивал интервьюер русской национальности (студент московского вуза), и 44% – когда интервьюер был татарской национальности (студент казанского вуза) [4, кн. 1, с. 63].

Недобросовестное применение данных

Качество научных данных снижало и их тенденциозное преподнесение. На наш взгляд, вышеупомянутая статистическая связь между возрастом респондентов или уровнем образования и религиозностью является примером ложной корреляции. Работающие граждане, а в особенности те из них, кто был занят квалифицированным, высокооплачиваемым и престижным трудом, от честного ответа предпочитали уклониться. С этой позиции следует оценивать результаты опросов, проводимых в доперестроечные времена. Учитывая, что переменная «уровень образования» ковариантна с переменной «социально-профессиональный статус», следует предположить, что именно последний сильнее всего связан с обнаруживаемой религиозностью. Действительная связь обнаруживается между ответами респондентов об отношении к религии и их социально-профессиональным статусом. Низкоквалифицированные рабочие, пенсионеры и домохозяйки не считали нужным скрывать от исследователей свои религиозные убеждения. В отличие от них, квалифицированные рабочие, интеллигенция, ИТР, служащие,

студенты давали ожидаемые от их статуса конформные ответы. Добавим, что эта статистическая аномалия порождалась, в первую очередь, фактором самого исследователя, который не был образцом академической нейтральности и не мог гарантировать конфиденциальность полученных сведений.

Западная эмпирическая социология в лице международных и национальных ассоциаций самостоятельно выработала стандарты и регламенты взаимодействия с респондентами и с заказчиками. Общепринятые в современном мире нормы этики участия в социологических опросах: добровольное и информированное участие, конфиденциальность, непричинение вреда. Респондент должен быть проинформирован о целях и назначении исследования, о возможных рисках, о гарантиях конфиденциальности предоставленных сведений. В СССР первый подобный документ появился только в 1987 г., что свидетельствовало о незрелости социологической науки, о ее зависимости от системы государственной идеологии (управления обществом).

Тема религиозности в советской действительности глубоко затрагивала личную жизнь верующих, их права и достоинство. Повсеместным явлением в СССР были преследования не только духовенства или религиозных активистов, но и простых верующих. В какой бы форме ни были заданы анкетные вопросы о вероисповедании, они не могли считаться психологически нейтральными для респондента в силу того, что респондент не мог испытывать полного доверия к процедуре опроса, а именно – к сохранению анонимности его ответа. Как известно, даже охраняемая законом информация о проведении венчальных или родильных религиозных обрядов, передаваемая религиозными организациями в финансовые органы, легко оттуда «утекала», попадая в первичные партийные и комсомольские организации [26], в чем верующие могли убедиться на личном опыте или узнать по собственным каналам коммуникации.

Проблема неискренности

По мнению Б. Фирсова, вопросы «неискренности», «лицемерия» непременно возникают при исследовании культуры советского общества, так как они являлись его неотъемлемой частью [27]. Самими исследователями проблема искренности респондентов осознавалась, но, как и многие другие методические проблемы, не акцентировалась публично.

Например, В. Пивоваров [6, с. 102] приводит мнение неких неназываемых экспертов, которые ставили под сомнение возможность полу-

чения объективных данных в среде коренного населения Чечено-Ингушетии. Он перечисляет: непонимание опрашиваемыми целей, задач и методов конкретно-социологических исследований (ввиду незнания русского языка, низкой грамотности, новизны дела); боязнь опрашиваемых «давления» за честность ответов со стороны представителей местных органов (не уточняется каких); боязнь опрашиваемых «давления» за искренность ответов со стороны религиозных «авторитетов», бытующего религиозного общественного мнения, патриархального бытового уклада; невозможность добиться «контакта» с опрашиваемыми из-за (предполагаемого) высокого процента верующих среди них, замкнутого (по мнению экспертов) быта и ближайшего окружения. Однако, как Пивоваров пишет далее, в реальности данные препятствия оказались мнимыми и никакого влияния на исследование не имели.

Советские социологи по-своему пытались нивелировать значение фактора недоверия верующих. Казанский опорный пункт ИНА не указывал на титуле анкет партийные комитеты (которые выступали и заказчиком, и организатором исследований). По словам Р. Балтанова, «если мы скажем, что Татарский обком интересуется верующими, они сразу замкнутся» [28, л. 142]. Казанские социологи придерживались методических установок, учитывающих личность респондента: «нельзя посылать к верующим мужчинам женщин», «нельзя вести с мусульманами беседу на русском языке», «надо посылать к ним людей одного возраста» [28, л. 143].

В ряде работ [29, с. 145; 22, с. 142] выражается уверенность в том, что проблемы искренности верующих на практике не существует. Например, профессор Института научного атеизма В. Шердаков, возражая У. Флетчеру, утверждает, что «религиозный человек в любой стране, независимо от вероисповедания, вряд ли будет объявлять себя неверующим», правда, не приводя доказательств. Едва ли можно считать это утверждение убедительным по отношению к верующим мусульманам. Турецкий социолог Д. Дурсун, проанализировав социологические данные, полученные И. Макатовым в Дагестанской АССР, усмотрел, что показатели религиозности сильно занижены. Причину он видит в неискренности верующих, которую он обозначил религиозным термином *takiyye* [30, р. 187], означающим благоразумное скрывание своей веры.

О латентной религиозности советских мусульман впервые пишет Р. Мавлютов. Он обращает внимание на такую категорию верующих (помимо «рядовых» верующих и «фанатиков»),

которые, как они сами заявляют, «веруют в душе». «Верующих в душе» отличает вера в творца – Аллаха и идеалистическое представление о мире. Такие верующие не проявляют себя в обычной жизни, поскольку не посещают мечети и не участвуют в жизни мусульманских общин, молятся редко, избирательно придерживаются предписанных обрядов, не знают основ верования. Р. Мавлютов подчеркивает, что пропагандисты испытывают затруднения с их выявлением, называет их «резервом», на который рассчитывает мусульманское духовенство [31, с. 165]. «Верующий в душе» – это чисто советское явление.

На наш взгляд, число верующих при опросах в «перестроечные» годы увеличивается, прежде всего, за счет латентной религиозности, о которой архивист Е. Жирнов, имея в виду посещаемость церквей в пасхальные дни в Москве в конце 1940-х и 1960-х, пишет: «Как только нажим власти ослабевал, церкви не могли вместить всех желающих комсомольцев, коммунистов и прочих атеистов» [32, с. 72].

После 1991 г. некоторые из ученых признавались, что полученные ими данные были не вполне достоверны, поскольку значительная часть населения, особенно интеллигенция, служащие, учащаяся молодежь, скрывали свои религиозные убеждения [33¹, с. 206], а многие коммунисты и комсомольцы, чьи уставы обязывали их вести решительную борьбу с «религиозными предрассудками», на деле оказались верующими людьми, умело скрывающими свои истинные убеждения [34², с. 79].

В настоящее время, когда измерением уровня религиозности страны заняты ведущие социологические службы страны, безусловно повысился технический и методический уровень измерений. При всем этом не удалось преодолеть отсутствие методической рефлексии при подходе к предмету, что по-прежнему не позволяет составить объективную картину религиозности страны. В современных исследованиях, как и в советские времена, сохраняется пренебрежение к ситуационности идентичности, которая свойственна конформной личности. Конфессиональная идентичность современных россиян, как правило, не подкрепляется религиозным поведением. Обращение к несоциологическим данным показывает, что доля россиян, регулярно посещающих храмы, мало изменилась по сравнению с советским периодом, она по-прежнему невелика³. Подобная ситуация выглядит нонсенсом, ведь любая религия накладывает на своих последователей определенные обязательства, относящиеся к религиозному поведению, в том числе участие в кол-

лективных богослужениях. Как результат, измеренная религиозность в качестве социологического признака не имеет научной ценности, поскольку не коррелирует ни с одной сколь угодно значимой социально-демографической переменной, например с величиной семьи или с количеством разводов у верующих [35, с. 111].

* * *

Следует признать, что социологи получали репрезентативные, методически аккуратные, но недостоверные обобщенные сведения, из которых систематически складывалась искаженная картина реальности. При этом нет оснований упрекать ученых в намеренной фабрикации или фальсификации данных. Их заблуждение следует считать добросовестным, вызванным несовершенством инструментария и неумением устранить помехи из ситуации опроса.

Современные авторы (Л. Браславский, В. Вигилианский) вправе не доверять данным о религиозности населения, полученным советскими социологами. Однако это не снижает их научной ценности. Важным обстоятельством для понимания места социологических исследований в советской системе является безальтернативность получаемых сведений. В той научной и бюрократической реальности социологические сведения обладали свойствами объективности, рациональности, представительности, формализации, благодаря чему социологические данные, вне зависимости от своей реальной достоверности, обладали большой научной и практической ценностью. Именно этим обстоятельством вызвано стремление заказчиков (а это почти всегда – партийные органы) спрятать их от публикации, засекретить.

Методический опыт советской социологии религии, в том числе и негативный, заслуживает более пристального внимания со стороны современной науки, поскольку вопрос достоверности и надежности данных при изучении религиозности по-прежнему актуален.

Примечания

1. Автор книги – дочь бывшего руководителя опорного пункта Института научного атеизма в г. Саранске Н.Ф. Мокшина.
2. Автор – бывший руководитель Казанского опорного пункта Института научного атеизма.
3. По данным МВД, в праздничных богослужениях на Пасху в 2019 году приняли участие более 4.3 млн россиян по всей стране. Источник: РБК-Ньюс. Доступно: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5cc58c5e9a79471d6c7c0b00> (27.11.2020).

Список литературы

1. Ноэль-Нойман Э. Массовые опросы: введение в методику демоскопии: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1978. 384 с.

2. Ядов В.А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. М.: Наука, 1972. 239 с.
3. Паниотто В.И. Качество социологической информации. Киев: Наукова думка, 1986. 208 с.
4. Методы сбора информации в социологических исследованиях. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1990. 232 с.
5. Пивоваров В.Г. На этапах социологического исследования. Теория и практика социологических исследований проблем атеизма и религии. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1974. 207 с.
6. Пивоваров В.Г. Религиозность: опыт и проблемы изучения. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1976. 184 с.
7. Докладная записка об итогах социологических исследований состояния религиозности населения г. Казани // ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 37. № 1089. Л. 259–269.
8. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. № 11.
9. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 934.
10. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 1626.
11. Докладная записка отдела пропаганды и агитации обкома КПСС об итогах проведенного социологического исследования по проблемам состояния религиозности и атеистической работы в Октябрьском районе // ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 933. Л. 58–65.
12. Браславский Л.Ю. Ислам в Чувашии. Исторические и культурологические аспекты. Чебоксары: Чувашия, 1997. 160 с.
13. Вигилянский В. Новое исследование по старым рецептам // Новый мир. 2001. № 4. С. 156–164.
14. Fletcher W.C. Soviet Sociology of Religion: an Appraisal // The Russian Review. Vol. 35. No. 2 (Apr. 1976). P. 173–191.
15. Pankhurst J.G. Soviet Sociology of Religion // Religion in Communist Lands. 1982. Vol. 10. No. 3 (Winter). P. 292–297.
16. Справка по исследованию религиозности по Мензелинскому району // ЦГАИПД РТ. Ф. 8126. Оп. 1. № 28. Л. 1–6.
17. Орлов А.М. Проблемы атеистического воспитания населения, живущего в инонациональной среде (Исследования групп татарского населения в Горьковской и Пензенской областях): Дис. ... канд. филос. наук / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма. М., 1977. 198 с.
18. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 263.
19. Кадлецова Э. Некоторые результаты социологического исследования религиозности в Северо-Моравской области Чехословакии // Вопросы научного атеизма. 1966. Вып. 1. С. 240–272.
20. Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование: Пер. с болг. М.: Прогресс, 1975. 384 с.
21. Снесарев Г.П. Некоторые вопросы методики полевых этнографических исследований в области религии и атеизма // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 89–94.
22. Алексеев Н.П. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области) // Вопросы научного атеизма. 1967. Вып. 3. С. 131–150.
23. Яблоков И.Н. Методологические проблемы социологии религии. М.: МГУ, 1972. 133 с.
24. Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. № 1 (5). С. 105–114.
25. Климова С.М., Молостова Е.С. Социологическое изучение религии и атеизация населения, 1960–1970-е годы // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 114–129.
26. Михалев И.А. О некоторых, наиболее актуальных вопросах контроля за культами (1970) // НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. № 41. Л. 165–167.
27. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Европейский дом, 2008. 544 с.
28. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 83.
29. Шердаков В.Н. Где кончается религиозность и начинается атеизм? // Социологические исследования. 1987. № 4. С. 44–49.
30. Dursun D. Sovyetlerdeki müslüman türklerin sosyal yapısı üzerine bir çalışma // Sosyoloji Konferansları Dergisi (Istanbul Journal of Sociological Studies). Sayı 24 (1993). P. 173–192.
31. Мавлютов Р.Р. Ислам. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1974. 168 с.
32. Жирнов Е. «Нет им воли ходить в церковь» // Коммерсант-Власть. 2007. № 12 (717). 2 апр. С. 72–78.
33. Мокшина С.Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века. Изд. 2-е, перераб. Саранск: Мордовский гос. ун-т, 2006. 306 с.
34. Балтанов Р.Г. Религия в современном Татарстане: проблемы изучения // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 78–86.
35. Возьмитель А.А. Социология религии в России: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 110–117.

RELIABILITY CONCERNS OF THE EMPIRICAL DATA ON RELIGIOSITY OF THE SOVIET PEOPLE

M.V. Kildyev

Association «Union of Researchers of Modern Society», Kazan

The text is a part of the project for the historical reconstruction of the Soviet regional sociology of religion. As an important part of this reconstruction is understanding merits and demerits of the techniques and

methodology. As a source for the article the sociological literature and archival sociological documents were used. The practice of the sociological study of religiosity is especially indicative, since it touched on the deep contradictions of Soviet society, and it should be stated that Soviet sociologists were not ready to solve it. The article shows how sociologists obtained representative, methodically accurate, but unreliable generalized information, from which a distorted picture of the religious life was systematically formed. The factors that led to distortions are considered: the «interviewer factor», absenteeism and insincerity of the respondents. These problems were diagnosed by Soviet authors, but they were never considered as a factor of distortion or contamination of data.

Keywords: religiosity, reliability of sociological information, insincerity of respondents, interviewer factor, absenteeism.